

**КОНЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
В. БРЮСОВА**

Ключевые слова: *В. Брюсов, концепция античности, Ф. Ницше, Э. Гиббон, Рим.*

О теме античности в творчестве В. Брюсова написано достаточно много исследований (М. Гаспаров, А. Малеин, С. Абрамович, С. Хангулян, Э. Даниелян, М. Дубова, И. Нахов и другие), однако до сих пор не было попытки определить общую концепцию античности в творчестве В. Брюсова, хронологически проследить отражение в его произведениях греческих и римских тем, определить причины постепенного вытеснения греческой тематики римской, причем с явным предпочтением эпохи распада Империи.

Разумеется, в одной статье невозможно осветить все аспекты этой проблемы, которые, надеюсь, удастся обосновать в более развернутом исследовании. Пока же ограничусь кратким изложением некоторых соображений об основных положениях брюсовской концепции античности, которая, как мне представляется, четко вписывается в эстетику неоромантизма.

Важно отметить, что если античность, как источник мотивов и образов в художественной литературе, всегда оставалась в центре внимания исследователей, то изучение *концепции* античности, как способа ее восприятия, оценки прошлого, настоящего и будущего, роли в эстетике разных эпох, в разных странах и в творчестве разных авторов, началось относительно недавно, в конце XX века, о чем свидетельствуют исследования многих европейских, американских и русских исследователей. Достаточно вспомнить труды литературоведов Михайлова А.В. («Античность как идеал и культурная реальность XVIII-XIX вв.»), Аверинцева С.С. («Образ античности»),

историка Ващеевой И.Ю. («Концепция поздней античности в современной исторической науке») и других.

При этом очевидно, что формирование концепции античности относится еще к эпохе классицизма, когда античность представлялась мироформирующей моделью, а в известном «споре древних и новых» предлагалась Ж.-Б. Расином, Н. Буало, Ж. Лафонтеном и другими как вечный источник моральных и эстетических образцов. В XVIII веке важную роль сыграли труд И. Винкельмана «История искусства древности» с его идеей реновации античного духа и призывом к «благородной простоте» и хорошо знакомый В. Брюсову труд Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи». Был совершен переход от назидательного нарратива к каузальному, взаимообусловленному воссозданию эпохи, от истории личностей к истории институтов. Рим представлялся Э. Гиббоном как воплощение справедливости, свободы и гражданской добродетели, система, с которой сравниваются и обсуждаются проблемы дальнейших исторических формаций. В. Брюсову была близка и идея Э. Гиббона о разрушительной роли («вирулентности») христианства в эпоху расцвета античной культуры. Надо отметить и впервые затронутую Э. Гиббоном тему «усталости» культуры и наступления эпохи варварства. Развитие идей Э. Гиббона мы видим в XIX веке, в близких В. Брюсову концепции «экзогенности» (влияния внешних факторов на формирование культур), шпенглеровской идее замкнутости культур и разделения понятий «культура» и «цивилизация», ницшеанском выделении дионисийского и аполлонического течений в культуре.

Первую попытку определения особенностей отношения В. Брюсова к античности сделал М. Гаспаров в своих чрезвычайно ценных, на мой взгляд, примечаниях к его «античным» романам. Он выделяет в творчестве В. Брюсова «два периода, когда античные темы играли для него особенно важную роль» [Гаспаров 1975:543]. Первый период – 1890-е годы – преимущественно поэтический, второй – преимущественно прозаический – 1910-е. Разница, как справедливо отмечает

М. Гаспаров, в том, что в первый период во взглядах В. Брюсова не было историзма, его интересовали герои, то, что было в них «надъисторического». А в 1910-х годах, как пишет М. Гаспаров, «в центре внимания Брюсова стоит уже не личность, а общество» [Гаспаров 1975:543]. Однако, не споря с этим утверждением, попытаемся уточнить: общество интересует В. Брюсова ровно настолько, насколько оно влияет на жизнь личности. Совершенно справедливо мнение С. Шервинского, который пишет: «Вся поэзия Брюсова <...> сосредоточена почти исключительно вокруг человека как явления и, в частности, человека во времени» [Шервинский 1924:51].

И здесь М. Гаспаров проводит очень верную параллель с отношением к античности современных В. Брюсову европейских поэтов, с общим для них неопределенным ощущением «“конца века”, *fin de siècle*, которое было общим для всего поколения» [Гаспаров 1975:544].

Таким образом, М. Гаспаров вплотную подходит к попытке определения брюсовской концепции античности. Однако для более конкретного анализа и выявления особенностей этой концепции необходимо учитывать три теории, очень популярные на рубеже веков и, на первый взгляд, противоречащие друг другу. Эти теории лежат в основе неоромантического исторического подхода и не могли не отразиться в литературе эпохи, в частности, в творчестве В. Брюсова.

Первая – это учение Ф. Шлейермахера, который считал, что историк (или автор исторического романа) должен ощутить дух описываемого времени, поставить себя на место того героя, о котором он пишет, проникнуть в его образ мыслей, понять и оправдать его поступки [Философская герменевтика: эл.ресурс].

Вторая – это позиция О. Шпенглера, полностью противоречащая позиции Ф. Шлейермахера и основанная на теории замкнутых цивилизаций, на идее «непроницаемости» культур, разделенных границами времени и пространства. По О. Шпенглеру, человек, живущий сегодня, не может идентифицироваться с человеком прошлого, поэтому адекватное изображение прошедшей эпохи невозможно. Очевидно, что в

творчестве В. Брюсова обе позиции оказались вполне совместимы: от автора исторического романа действительно невозможно требовать полного проникновения в описываемую эпоху и идентификации с персонажами, при этом главной характерной чертой художественного произведения является именно *стремление* к подобному проникновению. Писатель остается человеком своего времени, и в этом синтезе прошлого и настоящего (при этом прошлое определяет и настоящее, и будущее), объективного и субъективного, исторического факта и художественного вымысла воплощается основная особенность как исторических романов В. Брюсова, так и вообще неоромантического исторического жанра.

Третья теория – это предложенная Ф. Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки» бинарная герменевтическая пара в художественном творчестве и, шире, вообще в отношении человека к миру. Это *аполлоническое* начало – «чувство меры, самоограничение, свобода от диких порывов, мудрый покой бога – творца образов» – и *дионисийское* – «первобытный хаос и ужас, вакхический восторг, трепет опьянения и экстаза <...> глубинные интуитивные прозрения бездн бытия» [Философия: Энциклопедический словарь 2004:92]. Подобное разделение можно обнаружить и у А. Бергсона в его противопоставлении рассудка инстинкту (или интуиции), и у З. Фрейда в противопоставлении сознания и бессознательного. Очевидно, что В. Брюсов, в отличие от символистов,¹ – представитель аполлонического начала.

Если провести параллели и аналогии в концепции античности В. Брюсова и символистов (например, Д. Мережковского), то становится очевидным, что в брюсовской оценке античности как эпохи взаимовлияния и борьбы

¹ Неслучайно теория Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском нашло отклик у русских символистов, современников В. Брюсова – В. Вересаева («Аполлон и Дионис. О Ницше», 1914), Вяч. Иванова («Дионис и прадионисийство», 1921), Ф. Зелинского («Vince, Sol!» и «Трагедия веры»).

языческого и христианского начал отсутствуют религиозный мистицизм и богоискательство [Покачалов: эл.рес.].

Поэзия же В. Брюсова, по выражению С. Шервинского, «далекая от бога, далекая от философии, далекая от преклонения перед добром, далекая от ненависти к злу <...>» [Шервинский 1924:51], это, по сути, позиция демиурга (в греческом значении слова – мастера, знатока, ремесленника создателя, творца). Неслучайно В. Брюсову в античной истории был особенно дорог Золотой Рим как воплощение разумности, трезвости, воли:

Не как пришлец на римский форум
Я приходил – в страну могил,
Но как в знакомый мир, с которым
Одной душой когда-то жил.<...>

[Брюсов т.1:530]

В. Брюсову, жившему в эпоху слома прекрасной эпохи, особенно был близок и понятен Рим периода упадка, «этот Рим с его нравственной индифферентностью, религиозной растерянностью, философской беспочвенностью, разгулом разврата, подавляющими масштабами роскоши, ... чудовищным величием построек <...>» [Шервинский 1924:51].

В нищестанстве В. Брюсову было близко и учение о сверхчеловеке, которое было созвучно его культуре сильной личности. Напомним стихи, посвященные Александру Македонскому, не только победителю в множестве сражений («Блеск фаланги македонской видел Ганг и видел Нил»), но и властному полководцу, подавляющему «буйственные крики, ропот против божества». В. Брюсову, живущему в эпоху императора, неспособного к решительным действиям, особенно импонировала политика Юлия Цезаря.

Таким образом, концепция античности как ведущий замысел, конструктивный принцип в творчестве В. Брюсова, определяется как *неоромантическая*, поскольку для его основного подхода к изображаемому материалу характерны типичные для неоромантической эстетики

историзм, понимаемый как создание образа той или иной исторической эпохи, выраженной в конкретных судьбах героев, *субъективность* в отношении к историческим событиям,

органический синтез прошлого и настоящего,
обращение к истории, связанное с желанием почерпнуть в ней уроки для будущего, вызвать у современников желание найти ответы для объяснения переживаемых потрясений,

реализм в описании как исторического фона, так и бытовых зарисовок, костюмов,

элитарность не в плане недоступности для большинства читателей, а благодаря тому довольно узкому кругу идеалов и ценностей, который был неприемлем для широкой читательской аудитории, отсутствие описания социальной борьбы и образа народа и как исторической силы, и как страдающей массы отверженных.

Кроме того, концепция античности как ведущий замысел, конструктивный принцип в творчестве В. Брюсова, является *неоромантической*, поскольку объясняется глубоко личным, затаенным отношением автора к событиям своей, не менее трагичной, переломной эпохи, и оценкой своего места в новой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т. I. М., 1973.
2. Гаспаров М.Л. Примечания // Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т. V. М., 1975.
3. Покачалов М.В. Проблема кризисов и гибели античной культуры в творчестве русских символистов. Эл.рес.: <http://www.dissercat.com/content/problema-krizisov-i-gibeli-antichnoi-kultury-v-tvorchestve-russkikh-simvolistov>, 09.11.2018.
4. Философия: Энциклопедический словарь. М., 2004.
5. Философская герменевтика. Эл.рес.: <http://lektcii.com/1-73780.html>, 09.11.2018.
6. Шервинский С.В. Брюсов и Рим // Валерию Брюсову. Сб., посвященный 50-летию со дня рождения поэта. М., 1924.

NATALIA KHACHATRYAN – THE CONCEPT OF ANTIQUITY IN V. BRUSOV’S WORKS

The paper is devoted to the concept of antiquity in V. Brusov’s works. It reveals the influence of the prevailing philosophical theories of the late XIX-early XX centuries on V. Brusov’s prose and poetry, defines the main aesthetic features of his works devoted to antiquity (historicism, subjectivity, synthesis of past and present, realism, elitism, etc). The analysis allows the author of the paper to define V. Brusov’s concept of antiquity as neo-romantic.